

Вырезка из газеты

МАРИЙСКАЯ
ПРАВДА

25 ИЮЛ 1963

г. Йошкар-Ола

Газета №

ПРОСМОТРЕВ СПЕКТАКЛИ ГОСТЕЙ...

МЕСЯЦ гастролеров в Йошкар-Оле Ижевский русский драматический театр имени В. Г. Короленко. Наши гости привезли разнообразный и интересный репертуар. В нем была «Третья патетическая» лауреата Ленинской премии Н. Погодина, «Старик» М. Горького, «История одной любви» К. Симонова, «Лунная соната» А. Тур «Один год» (инсценировка одноименной повести Ю. Германа), «Хочу верить» (драматическая повесть И. Голосовского) и другие произведения.

Уже один этот перечень говорит о том, что предпочтительнее театр отдает современной теме, не замыкаясь при этом в рамки одного какого-нибудь жанра. Не забывают в театре Ижевского и о русской классике. Итак, наши гости и соседи смелы, серьезны в репертуарной политике.

Но... (пусть не сердятся на нас за это слово, потому что если уж говорить о театре строго, без скидок, то анализ недостатков, может быть, важнее, чем перечисление и разбор достоинств). «Третья патетическая» Н. Погодина и «Старик» М. Горького прошли по одному разу за все время гастролей, зато «Зона тишины» Ленча буквально заполонила сцену. В чем дело? Ведь наивно было бы думать, что артисты и руководство театра сами не понимают, что мелкая по теме «Зона тишины» должна занимать на афише, на сцене весьма скромное положение. Они понимают также всю глубину и художественную цельность и силу «Старика» и «Третьей патетической». Так кому же не верит театр? Авторам пьес (по имени Погодина и Горького не нуждаются в комментариях), самим себе, зрителю? В любом из трех случаев это обидно. И еще: снижение требовательности театра к себе всегда ведет к снижению требовательности зрителя к театру. Создается порочный круг, где страдают и театр и зритель.

Что привлекает к себе внимание в спектаклях Ижевского русского драматического театра? Прежде всего, хорошая слаженность, ансамблевость. Пожалуй, лучше всего это качество проявилось в спектакле «Старик».

Режиссер спектакля, главный режиссер театра, заслуженный артист Северо-Осетинской АССР Н. Шуров и весь коллектив исполнителей зысля, для чего они ставят эту пьесу Горького сегодня. Разве философия — «Страдание святее работы», «Христос терпел и нам целела», кото-

Гастроли Ижевского драматического театра

рую с таким гневом разоблачает Горький в пьесе, уже мертвая? Нет. Его пользуются и сектанты, и «правильные христиане». А раз так, то спектакль, разбивающий, уничтожающий такую философскую концепцию, современен и необходим.

Спектакль ижевцев — горьковский по стилю. Строгий, сдержанный, даже где-то скупой по выразительным средствам, он остр по внутренним столкновениям, конфликтам, и характерам действующих лиц, в большинстве случаев, у актеров по-горьковски широко и крупно.

Очень интересен Иван Васильевич Мастаков в исполнении заслуженного артиста Н. Шурова. Статный, широкоплечий, весь какой-то удивительно ладный, легкий в движениях, со взглядом, то прямым и открытым, то тревожным, полным боли — это человек, который не может пойти на компромисс ни с людьми, ни с собственной совестью. Чувствуется, что он многое мог бы сделать, если бы не беда, которая с ним случилась когда-то. И не шантажа Старика боится он, не людского суда за чужью вину, а суда собственной совести. Совесть не даст ему покоя, хоть и не понимает он, в чем виноват...

И когда надломилась его воля, когда он сам по собственной воле ушел из жизни, которую любил, то жаль, очень жаль, что нехватало ему силы выстоять, сломать цепкую паучью, но бесилую по существу злобу и хитрость Старика.

Если говорить об Н. Шурове как об актере, то надо сказать, что это артист широкого диапазона, правдивый, реалистичный по творческой манере и, что всего дороже, интеллектуальный актер.

Создать образ В. И. Ленина — это огромная, труднейшая задача. Н. Шуров в «Третьей патетической» Н. Погодина хорошо справился с этой задачей. Он сыграл не только Ленина-вождя, но Ленина-мыслителя, Ленина-философа и человека. Артист не пошел при этом по пути внешнего подражания. У Н. Шурова есть главное: мысль, воля, ленинское, неповторимое человеческое обаяние.

А Андрей Ваганов в исполнении Н. Шурова («История одной любви» К. Симонова) — это тоже создание большого и верного правде жи-

ви художника. Его Андрей абсолютно убежден в своей правоте в то, что в борьбе за любовь, за дорогую ему Катю, все средства хороши. Его любовь действительно велика, ей веришь. Не чем более искренен такой Андрей, тем более откровенен и страшен: даже в своем эгоизме и подлости.

И снова хочется вернуться к «Старику». Г. Любченко-Старик — достойный партнер Н. Шурова-Мастакова. Властное и какое-то отрешенное лицо со злого поджатыми губами. И дикая ненависть в глазах, ненависть ко всему светлому, человеческому, радостному, ненависть к труду, к любви, к жизни. И в этом слабость Старика. Г. Любченко прекрасно показывает это. Когда в споре с Мастаковым Старик кричит что «страдание святее работы», то в самой истинности этого крика — бессилие и страх, дикая радость садиста, который из людского страдания сделал себе ремесло и наслаждается этим. И наконец крах Старика, его трусливое бегство после самоубийства Мастакова. Есть в этом бегстве что-то жалкое, отвратительное. И сам Старик уже никому не страшен. (Примерно в той же, реалистически точной, но острой манере играет Г. Любченко Балагу в спектакле «Один год», инсценировке одноименного романа Ю. Германа.)

В спектаклях театра вообще много интересных актерских работ.

Народный артист Удмуртской АССР Б. Гельбик — добродушно-мудрый каменщик в «Старике» и он же картинно-жесткий, высокомерно-нахальный Мамалыга в «Одном годе». Этаким аристократ среди воров.

Народная артистка Удмуртской АССР Е. Романова — домовитая, добрая, простая нянька Захаровна в «Старике» и мальчик Костя Лютиков в «Лунной сонате» А. Тура. Вот уж где проверяется и широта диапазона и мастерство перевоплощения артистки!

А рядом молодежь. Правдивый, мужественный, чаще всего сдержанный в манере игры А. Кричевский. Сегодня он Алешка Жмакин в «Одном годе», а завтра журналист Алексей Трифонов в драматической повести И. Голосовского «Хочу верить». Но в роли Жмакина иногда изме-

няет молодому актеру чувство меры. Увлекается то остроумием, то большим надрывом своего героя, артист начинает «обигрывать» ситуацию, спенившее положение, забывая о спектакле в целом, о развитии характера героя.

Или С. Краева — сильная нежная, прямая Катя в «Истории одной любви» и холодно-злая Валентина Азарова в «Хочу верить». Обо всех не скажешь, да и не в том, очевидно, дело, чтобы раздать «всем сестрам по серьгам». Важно то, что индивидуальности в коллективе разные, но играют все в одной творческой манере.

Есть с перевоплощением, к сожалению, не у всех и не всегда хорошо. И дело здесь не во внешнем перевоплощении, а во внутреннем. «От себя» идут все, но забывают иногда о второй части знаменитой формулы Станиславского: или подальше от себя. Не всегда все в порядке и с такими элементами внешней культуры, как жест, движение, дикая.

Следует особо отметить режиссуру театра. Умная, логичная, традиционная с самым хорошим смыслом этого слова, строгая по выразительным средствам режиссерская манера главного режиссера театра Н. Шурова хорошо сочетается с взволнованной лиричностью, трепетностью, острой режиссерской манерой А. Каца. Но иногда у этого режиссера появляется прием ради приема. Сцена без занавеса, например, в «Хочу верить» с прямыми обращениями героя к зрительный зал оправдана. Но когда то же самое есть и в глубоко интимной «Истории одной любви» или в «Одном годе», где стиль пьесы этого не требует, то возникает вопрос — зачем?

И еще. О требовательности к драматургическому материалу. В спектакле «Хочу верить» много хороших актерских работ и режиссура интересна и цельного впечатления все-таки не остается, потому что нет драматургии. Это не пьеса, а скорее проза, разбитая на куски. В «Одном годе» — примерно то же самое: чрезмерная дробность материала, эпизоды без внутренней связи. Не зная книги, понять пьесу трудно.

Театр наших гостей и соседей — интересный театр с хорошей творческой перспективой. От него можно и ждать многого, и спрашивать с него по большому счету.

Л. ДОБРОПРАВОА.